

ПОЕЗД В БУДУЩЕЕ: ТРАНЗИТ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Александр Иванович Неклесса

Институт Африки РАН;

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации;

Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Мир людей – подвижная реальность с меняющимися кодами ментальности, моделями поведения, концептами политической и хозяйственной практики. Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это комплексное, интерактивное поле. Миры Севера и Юга сосуществуют на одной планете; футуристичные образы высокотехнологичной и обильной цивилизации, правового, демократичного, рационального уклада перемежаются чересполосицей авторитарных, олигархических систем, трайбалистских или мафиозных сообществ, социопатией городских фавел и житейским минимализмом лагерей беженцев.

Моделирование динамичного ансамбля «Север – Юг» связано с определением пропорций постсовременности и постколониальности, модернизации и неоархаизации в универсальном трансформационном процессе: композиция взаимно контаминируемого мироустройства сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий современности. Постижение причин и перспектив вселенского переворота требует большего, нежели простое суммирование причудливой феноменологии цивилизационного транзита. События 2020 г. совокупно продемонстрировали востребованность искусства управления сложными процессами и ориентации в масштабных, «вирусных» и пороговых ситуациях, подтвердив императив обретения соответствующих знаний, мастерства, технологий (Неклесса 2020б).

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков 2020 106–122

Эволюция истории

История оперирует фактами, футур-история – тенденциями и логикой эволюции. Простые решения нередко поверхностные и плоские, истина же может представлять сумму парадоксов. Мир на протяжении последнего столетия пребывал в сумятице перемен, но, несмотря на острые коллизии, интенсивно интегрировался, осваивался, а индустриальная и рыночная унификация вытесняла и замещала социокультурное разнотилье и своеобразие.

Социальную ситуацию определяет сочетание глобального, регионального, местного и персонального. В течение века демонтаж сословных перегородок, реституция личности, либерализация общественных норм и демократизация политических устоев сопровождалась эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией, серией «бархатных» революций, а затем и новым изданием «весны народов», обернувшись также возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира. Люди в исторической устремленности пытаются ослабить природные и социальные тяготы, умаляющие человека и угнетающие продвижение в будущее, устранить оболочку имперской колониальности в различных модификациях, отринуть идеологемы, институты, протоколы, уничтожающие индивида, разрушив тиранию культурной, классовой, национальной, расовой сегрегации и подавления.

Сегодня человечество, судя по всему, переживает переворот, проходя своего рода *rite of passage*, реализуя новую формулу социальных и политических координат, полагая мир интерактивным сообществом людей и народов (*Pax Humanum*), а не ареалом пространственного развития империй и государств. Постсовременность может быть также охарактеризована как вселенская постколониальность, «гибридное Средневековье» – мир транзита действенной субъектности к мультиплицированному, мозаичному, соборному обществу, актуализирующему возможности комплексных конструкций и сложноорганизованных личностей. Предметное поле постколониальной (постимперской) аналитики обретает универсальные пропорции и, очевидным образом, не ограничено рассмотрением ситуаций на Черном континенте либо всей калейдоскопичной реальности третьего мира. Колониальные, имперские метастазы и тоталитарные, сугубо этатистские рецидивы отчуждения и самоотчуждения, мимикрируя и мигрируя, обнаруживаются в разных

частях света, политических комбинациях, иных сегментах практики. Присутствие как колониальности, так и постколониальности в композициях Постмодерна усложняет декодирование и картографирование транзита, выявляя невидимые до поры препятствия (подробнее см.: Неклесса 2020a). Анализ и проектирование в сфере дисциплинарного знания связаны, однако, «режимом истины» (Мишель Фуко) и ограничены «окном Овертона» – границами, в которых предложено вести научную дискуссию. Между тем при резком усложнении обсуждаемых предметов возникают проблемы со сложившимися в социальных и гуманитарных дисциплинах (во многом под влиянием естественных наук) стандартами профессионального рассуждения, стимулируя их трансгрессию – мультивекторную поисковую избыточность, творческую эмансипацию, интеллектуальный прорыв. Давид Бен Гурион, реализовавший большой национальный проект в сложной и неопределенной исторической ситуации, писал: «Сегодняшний день не похож на вчерашний – вот главное, что надо понять <...> Во всякий миг в мире происходит что-то новое. Все находится в состоянии движения, *panta rei* <...>. Ни в природе, ни в истории, ни в материальном мире, ни в мире духовном, в обществе и государстве ничто не стоит на месте. Рутинa – первый враг государственного деятеля. Надо объявить войну рутине, устарелым шаблонам действия и мысли» (Навон 2008: 3–10).

Сумма истории не является сводом летописных констатаций, это процесс социального обустройства, повышения адаптивности и уровня организации, эволюции антропологической вселенной. Развитие общества сопряжено с опознанием и осмыслением неизвестного, поворотами и переворотами, лабиринтами и развилками в дорожной карте цивилизации, затрудняющими проникновение в иное. Стартовым рубежом последнего раунда вселенской экспансии – глобализации как *fine* колонизации планеты, ее культивации и освоения современной цивилизацией, можно считать Берлинскую конференцию 1884–1885 гг., поводом для которой послужили конфликтные обстоятельства, складывавшиеся в Африке. Конференция, однако, определила нечто более существенное – общие регламенты, параметры и методологию разграничения пространств обитаемого мира в соответствии с принципом «эффективной оккупации»...

Планетарная колонизация, а затем деколонизация вкупе с экономическим и социокультурным обустройством мирового сообщества, охватили весь XX век, ставший периодом обширной перестройки человеческого общежития. Переход к новому миропорядку ускорился после своего рода Тридцатилетней войны, развернувшейся в первой половине прошлого столетия. Деконструкция имперских структур, сначала континентальных, а впоследствии морских, уничтожив зональную глобализацию, сформировала на постимперских руинах пестрый конгломерат больших и малых национальных государств, открыв возможность обширной реорганизации политического универсума. Осваивая горизонты самостоятельного статуса, страны и народы, получившие политический суверенитет, критикуют историческую ретроспективу и подвергают сомнению предлагаемый Современностью маршрут, внося дополнительную неопределенность в контрапункт глобальной трансформации.

Биполярное мироустройство, возникшее в середине прошлого века, проявилось негативным образом, создав возможность альтернативной – деструктивной, глобализации, ставящей под угрозу существование цивилизации. Впервые у человечества появился шанс реализовать рукотворный коллапс антропологической вселенной, отбросив на мир тень произвольного конца истории¹.

Реестр перемен

На планете в наши дни развиваются два доминантных процесса: *глобализация* и *индивидуация*, сопровождаемые становлением но-

---

¹ Вот характерные примеры: 1) 27 октября 1962 г. советская подводная лодка «Б-59» (старшие офицеры – Василий Архипов и Валентин Савицкий), имевшая на борту ядерную торпеду и право применить ее в случае прямого нападения, встретилась около Кубы с группой кораблей ВМС США. Лодка была обстреляна, а по данным советской стороны, против нее были применены глубинные бомбы. На субмарине между старшими офицерами возник конфликт по поводу необходимости применить ядерное оружие; 2) 28 октября 1962 г. критическая ситуация сложилась на ракетной базе США на Окинаве, где был получен ошибочный приказ о применении ядерного оружия. В результате решительных действий капитана Уильяма Бассета ошибочность приказа была установлена, и он был отменен; 3) 26 сентября 1983 г. на командном пункте Серпухов-15 системы раннего предупреждения «Око» компьютер сообщил о запуске ракет с американской базы. Оперативный дежурный Станислав Петров, проанализировав обстановку, пришел к выводу, что произошло ложное срабатывание системы.

вых и мутацией прежних политических и прочих институтов, производством инновационного технического, технологического, социального инструментария. Реорганизация современного строя, обустраиваемого, преобразуемого и атакуемого с различных позиций, смещает и расширяет исторический горизонт:

- глобализация создает общую оболочку для хозяйственной практики и универсальной коммуникации, а индивидуация части обитателей планеты продуцирует множество анклавов цивилизационного транзита, служащих порталами иной организации универсума, отрицающей его прежнее устройство, генерируя неопределенность в траектории истории;

- территориальная экспансия стран и народов постепенно замещается конкурентной колонизацией и приватизацией амбициозными племенами призрачных, многомерных пространств будущего;

- цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным обладанием земными территориями, политическим и административным их контролем, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на организацию хозяйственной и финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление режимом благоприятствования, маршрутами транспортировки и транзакций, использование прав доступа, преференций и санкций (Неклесса 2019а: 326–341);

- растет влияние геокультуры, учитывающей удельный вес социокультурного капитала, определяя центры его гравитации, экспортирующие, транслируя на иные языки, принципы и стандарты жизнедеятельности; а также геоантропологии, фиксирующей динамику и траектории антропотокков, перераспределяющих население планеты, зоны социокультурных разломов, изменения в картографии человеческих активов, их разнообразии и потенциале;

- углубляется кризис системы международных отношений, мировой бюрократии и связанных с нею институтов; формируется многоуровневая среда сетевых трансграничных связей, включая присутствие влиятельных корпораций, комплексных субъектов и неформальных агентов перемен;

- привычные типы государственности модифицируются, поглощаясь в конечном счете обществом, сливаясь с корпорациями, преобразующими современные политические системы, а перемены

в понимании суверенности высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления;

- национальная государственность, утрачивая былые основания, позиции, смыслы, предчувствует кризис идентичности и собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация и финансы – глобальны), испытывает институциональную хаотизацию, пробуждая встречный ветер национализма и сопротивление уходящих в прошлое структур;

- сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и корпоративной деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими социальными следствиями;

- сфера практики пронизывается вирулентностью генерации людей-предприятий (*menterprisers*), их инновационных, экзотичных, радикальных стартапов; экспериментальными новациями политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов и популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Проектирование общего будущего, осложненное конфликтами традиционализма и секулярности, коллизиями современности и постсовременности, замещается обилием оригинальных автономных замыслов, порождающих симпатические сопряжения – калейдоскопичные ансамбли молекулярных агентов перемен, инструментально оснащенных, обладающих преадаптационным инстинктом и скрепленных общим интересом, ценностями или традицией. Проактивность слабоформализованных в институциональной системе современности сообществ с ценностной пересортицей усложняет контрапункт мировой симфонии, сопровождаясь деконструкцией прежнего исторического нарратива. Изживание бинарных оппозиций, преодоление ментальных шаблонов как «закрывающих технологий» еще больше революционизирует ситуацию. Водоворот происходящих и назревающих трансформаций подтачивает опоры цивилизационной платформы модернити, колеблет ее равновесие и, подвергая сомнению устойчивость глобального консенсуса, коррумпирует целостность всей социальной конструкции. Мир в многомерном универсуме рассыпается на суверенные конкурирующие композиции, продвигающие собственные версии подвижного строя, опровергая предписания нормативной культуры и внося правку в современную концепцию человека.

Пересекая умножающиеся «линии горизонта» (Жак Аттали [Attali 1991]), люди пытаются распознать целеполагание ветвящихся траекторий, однако «человек никогда не поднимается выше, чем когда не знает, куда идет» (Кромвель) (Некlessа 2018б).

Социальная ментальность

Мы обитаем в подвижной реальности: устанавливаем барьеры и опрокидываем их. Сюжеты летописания сопровождаются и запечатлеваются кризисами, обретающими со временем символический статус, но мы живем не ради памяти. Будущее как футур-история – антропологическая категория, связанная с переворотами и развитием, это путь претерпеваемых катастроф и преодолеваемых состояний. Национальная государственность сегодня соревнуется с динамичным миром амбициозных корпораций и трансграничных сообществ, сопрягаясь с акционизмом различным образом мотивированных лидеров и решительных индивидов. Очередная ослепительная утопия вносит в связь времен дополнительный ажиотаж, ускоряя перемены: история беременна новизной.

Основанием культуры является мировидение – концепт бытия, его идеальный образ, смысловой и правовой каркас: сумма ценностей, обеспечивающих идентичность, и законов, удерживающих миропорядок. Культура определяет характер общества, цивилизация – фабулу, удерживая динамический баланс между наличной действительностью и промысленным идеалом. История – последовательность порывов к действию и плацдармов компромисса: синтез усилий ума и напряжения воли, трансмутация собственной природы, модификация социокультурных констелляций, экспериментальная вивисекция хозяйствования и эстафета власти. Реальность, время от времени разрушая представления о себе, отрицает текущее редактирование конвенций, требуя не иных трактовок, а смены языка. Будущее мыслится надеждой, но обретается как цивилизационная травма – отход от ставших привычными форм самоотчуждения, отмирающих корпораций, искаженных институтов, общего истощения среды в пользу иного восприятия бытия. Традиционализм осознавал мир как пространство, современность колонизировала и осваивала время, постсовременность учит и учится отделять живое от неживого. Это кесарево сечение, исход и устра-

нение безбудущности – эволюционный транзит и путь становления личности.

Будущее – несуществующая, но подтверждаемая бытием субстанция, иное состояние мира. Утверждается оно не конфликтами культур-систем – процессом, чреватом скорее обрушением в изъяды прошлого, а появляется и проявляется в «своих напевах»: их сопряжении с деятельно постигаемой сутью, геномом, истории, ее промысленным целеполаганием. Борьба за будущее, иную землю, иное небо, стимулирует протагонистов декодировать криптографию историософских замыслов («конспектов будущего»), изыскивая преимущества, если таковые имеются, в ментальном и культурном своеобразии, устраняя явные и скрытые изъяны, демонтируя обанкротившиеся конструкции и реализуя эволюционную синергию. Но продвижение в будущее – не только ажурная вязь вбираемых в плоть истории оригинальных проектов, слияние притоков мысли и протоков самоорганизации, апробация версий соперничества и коэволюции. Это также, и главным образом, сценография личности, погруженной в перманентно преобразуемый сюжет: преодоление сложившейся социальной ментальности, внутренних противоречий и персональная трансформация.

Двусмысленное достояние века – инициативы, формулируемые и воплощаемые поколением, идущим сквозь горнило транзита: не пленников, но наследников культур и народов, решившихся на деконструкцию привычного строя, проживая, переживая утрату определенности и преодолевая барьеры повседневности. Синкретичная социальность либо вытесняется логикой развития, либо, пользуясь вселенским переполохом, пытается обернуть поток перемен вспять, вернув власть над утраченной судьбой. Симптоматика разложения модернизируется проявляется в нищете свойственных ее природе идеологий, замещаемой конфессиональной интервенцией и мимикрией, чреватой алогичными метаниями и разрушительной суггестией «культуры смерти», способной по-своему распорядиться инструментарием, созданным цивилизацией (Неклесса 2006: 3–11). Маршрутизация разнонаправленных переходов осложняется флюидами неоархаизации и сполохами деструкции – прямым отрицанием футур-истории, реанимируя инкапсулированных в плотных слоях прошлого гекатонхейров – ограниченные объемом и

формой древние стихии, замороженные цивилизацией, но сжигаемые внутренним огнем хаоса.

Когнитивные перемены аранжируют практику, предопределяя смену исторических декораций. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познать при помощи Аристотелевой логики суть бытия заложили фундамент новоевропейской науки². Политические зигзаги и перевороты также предваряются революцией сознания: трансформацией ментальности, продуцирующей и редактирующей карты мира, стили практики, методы познания, изменяя цели общества и образ жизни. Сама секулярность – этот родовой признак современности, возникает в истории как проекция иудеохристианской концепции бытия и соответствующая данным идеалам социальная реорганиза-

² Взамен был предложен иной критерий: проверка истинности утверждений «книгой природы», суверенной по отношению к человеческой логике, будучи сотворенной нечеловеческим разумом и отражающей совершенно иной уровень сложности. Решение подвергать подобному испытанию человеческую ментальность означало введение в исследовательский процесс свободного от игр разума арбитра – эксперимента. Открытие запечатленных в естестве смыслов, отражающих отличную от человеческой логику, ее постижение и усвоение, оказывается возможным в результате исследования независимых от сознания объектов, испытания нечеловеческих тайн природы. Знание, таким образом, разделилось на науку, имеющую дело с предметностью, которая существует объективно, то есть независимо от мнения о ней людей (гипотез), но которую можно подвергнуть изучению различными объективными методами. И дисциплинированные по определенным правилам рассуждения – социальные и гуманитарные дисциплины, исследующие предметность, создаваемую людьми, отражая их изменчивые деяния и подвижную ментальность, рассекая химеры, редуцируя фантазии, удерживая обретения и восполняя, таким образом, динамичную, полифоничную истинность. Гуманитарное знание – авторские путеводные нити для познания человеческого естества, рецептуры меняющихся взаимоотношений на путях исхода из лабиринта ментального синкретиза. Они практичны, рациональны, избыточны, здесь нет постоянных законов, но обнаруживаются закономерности (теоремы), обоснованные консенсусом когнитивной аксиоматики, философским дискурсом и этическим кодексом эпохи. Это язык гармоник, признанных констатаций, корпоративных договоренностей. Ознанные и осознанные концепты вопрошаемы, дискурсивны, протокол носит временный характер, он инициируется, утверждается, пересматривается, опровергается в перманентном поиске иных объяснений и переписывания рецептов. Аналог процесса – судебное заседание и его вердикт (выносимый большинством заседателей), допускающий, однако, подачу апелляций и кассацию. У знания здесь прикладной статус – это свободные искусства произвольной практики.

ционная процедура (Кокс 1995). Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью», его способности к выбору, самосозиданию и обновлению, обусловило кардинальную реформацию институтов и модификацию истории, ее переосмысление, перемолов многие архаичные препоны, воплощаясь в личной ответственности, самоопределении нации, политических правах.

Совершалось «расколдовывание мира» (Вебер 1990: 44–271), сопровождаемое деконструкцией религиозного традиционализма и «дефатализацией истории» (Рикер 2002). Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» (Бонхеффер 1994) мифологических отождествлений и патриархальных подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих к прошлому, природе, клану, идолам» (Фромм 2007). Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности как освобождения ума от пут стереотипов и тирании суеверий, а человека от безнадежности и диктата «вечного возвращения». Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности традиционализма и бытийного синкретиза, отражая атаки деструктивного хаоса и продуцируя алгоритмы автономного, сложного поведения.

Поезд истории

Установления, порожденные христианской вестью, со временем выходят за пределы религиозной оболочки и, абсорбируясь обществом, своей новаторской сущностью изменяют мир. Секулярность – кризисное управление социумом, застрявшим в переходах и закоулках исторического лабиринта; она предполагает рациональность при рассмотрении проблем земного быта, не отвергая метафизические интерпретации бытия, обеспечив критическое отношение к феноменологии мироустройства и трезвое к флуктуациям сознания. Подобно новоевропейской науке, секулярное мышление определяет пределы собственных компетенций и, отделяя дальнее от горнего, стимулирует конструктивную рефлексивность, удерживая при этом память о предназначении, растворяя, распространяя ее в конфессио-

нальном, философском осмыслении, художественном обрамлении, культурном коде, пронизывающих людскую повседневность.

Пребывая в процессе великой работы, преодолевая стойкость прежнего мира, мы, желая или не желая того, ютимся на пороге грандиозной экспериментальной мастерской. Продолжающийся поиск истины, соединяясь с житейским опытом, разрушает многие унаследованные трюизмы и влияет на модели поведения. Метафизические концепты, подвергаясь испытаниям в нелицеприятных обстоятельствах и подвижнических противостояниях, осмысленные и переосмысленные, познав небесные горизонты, горнило жизни и дрожь земли, претерпевают ревизию. А затем вновь воздействуют на мир. Теология, редактируемая в тени обретенного за последний век знания, обнажает сколотые временем, острые, асимметричные грани. Возникают атакующие мир концепции «безрелигиозного христианства» (Антропов 2005: 58–124), «политического богословия» (Metz 1998), «нетеистического теизма» (Sölle 1995)...

Энтузиазм приближения к взыскуемому, но различным образом прочитываемому и толкуемому идеалу, исторически присутствует в секулярном обществе, интегрируя метафизику с эскизами утопий, обретающих идеологическое содержание и политическую плоть. К концу XVIII в. у европейского третьего сословия уже была программа продвижения к образам свободы, равенства, братства – проект властного обустройства быта и бытия с миллениаристскими обертонами и эгалитарными мотивами, обеспечив, наряду с прочими новациями, секуляризацию утопии – прорыв к концепции прогресса и гражданскому обществу. Однако был и 93-й год, скверные подробности которого обнаруживаются практически в любом идеологическом замысле, когда сумма лозунгов и ритуалов превращается в конъюнктурный эрзац – удобный камуфляж для власти политических инженеров и бездушной механики этатизма.

В анналах истории много жестокого, преступного, морально неприемлемого, также и на теле современной цивилизации немало шрамов тоталитаризма, расизма, разноплеменной оккупации и разноликой колониальности. На путях, вымощенных благими/неблагими намерениями, пролагались индустриальные рельсы, эксперименты истории по освоению культуры электрошока понуждают политически корректировать механизмы исторического нарратива,

протестуя против террора престолов и властей, повергающих человека и его достоинство в рабское, скотское состояние³.

Помимо этатистских симулякров интернациональной и национальной социалистической идеи в список попадает многое другое. Это не только такие травмы памяти, как ГУЛАГ и Освенцим, Холокост и Голодомор, преследование «врагов народа», «унтерменшей», диссидентов, клетки с африканцами и другими народностями в зоопарках Европы, но также актуальные формы деспотичных иерархий унижения и подавления: гендерные регуляции, маргинализация физических и когнитивных особенностей, «офисное рабство» и т. д. Списки изгоев нормальности, катастроф человечности заметно длиннее, а проблематика шире черно-белой оппозиции. Перечень включает также недавнюю попытку построения «Исламского государства» (запрещенная в России организация. – *Ред.*) как специфического сообщества – трансграничной корпорации, завовавшей не только обездоленных различными обстоятельствами мусульман третьего мира, но и часть сторонников прямого действия, европейски образованных людей (подробнее см.: Неклесса 2018a).

Постколониальность – устремленность к миру, в котором нет метрополии, нет доминирования ни политического, ни персонального, но есть личный героизм, терроризм и бесконтрольность вольноотпущенника. Притом что для значительной части населения планеты ни собственная, ни чужая жизнь не представляется безусловной ценностью, многое решает наличие или отсутствие морального императива. Нация мыслится как сообщество энтузиастов, патриотизм же в трансграничной вселенной воспринимается как некое подобие расизма (например, дискриминация легальных и нелегальных эмигрантов), то есть как историческая близорукость, предполагая аналогию с участием трайбализма / сельской общины в эпоху модернити. В былые времена современность, преодолевая традиционализм, прорастала сквозь его трещины, рвы и стены. По-

---

³ Интересен исторический опыт Подпольного Польского государства, действовавшего в годы нацистской оккупации. «Делегатура правительства на Родине» сумела привить обществу элементы гражданской организации, соединив автономную от оккупационных властей социальную самоорганизацию с параллельной политической ее организацией, создав при этом деятельные формы специфического противостояния оккупационному режиму.

добным же образом сложный мир постмодерна опровергает современность – это иной, мультиплицированный демиург, другая, пугающая откровенность и персонализированная форма взаимоотношений⁴.

Авторитарные, олигархические, идеократические режимы, нетерпимые к носителям перемен, равно как останавливающая течение времени, заболачивающая русло истории тирания масс, разлагают, заражают, коррумпируют актуальные и потенциальные элиты, искажая перспективу, разрушая на переправах мосты развития⁵. Тектоника глобальной трансформации, конфликты власти и воли, ярости и чувства справедливости, порой корректируемые милосердием, проявляются по-разному в различных ситуациях, обществах, регионах (подробнее см.: Неклесса 2019б). Сегодня

---

⁴ Контур иной, не территориально-пространственной картографии человеческой вселенной прослеживается в распределенных по планете множествах идеологических и конфессиональных сообществ, чье мировидение отражено в сентенции: «Для нас всякая чужбина – отечество и всякое отечество – чужбина» (предположительно Иустин Мученик, «Письма к Диогету», II в.). Или в персоналистичной философии «кембриджских апостолов»: «Если надо выбирать между предательством по отношению к моей стране и предательством к моему другу, то надеюсь, что у меня хватит смелости предать свою страну» (Форстер 1938). Речь, однако, идет не столько о конкретной религиозной, идеологической или социокультурной идентичности и стратификации («домены симпатий»), сколько об их инварианте: универсальном политическом агрегаторе, интегрирующем личностное противостояние земным обобщениям и персонально мотивированный отказ от императива национально-территориальной самоидентификации в пользу культурных и антропологических сопряжений, утверждая приоритет внутренних обстоятельств над внешними и формируя доминанту иного мироустройства.

⁵ «...<Культура смерти> Распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов, так или иначе, отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто самим фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожить. Таким образом, возникает “заговор против жизни”. Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расшатывая и разрушая отношения между народами и государствами» (подробнее см.: Иоанн Павел 1997).

движение «Жизни чернокожих имеют значение» (BLM), связанное отчасти с постколониальным синдромом, порождает новое поле битвы, создает очередной плацдарм атаки, демонстрируя реминисценции и червоточины из обширного арсенала механической солидарности, активируя трайбализм в обремененных массах анклавов. У движения есть декларируемая цель из реестра новой этики: уничтожить любые формы стигматизации париев, сделать обыденностью право на уверенность и право на слабость, устранив дефицит человечности, намеренные и ненамеренно ранящие ситуации, стимулируя приязнь к живому – взаимную эмпатию (ср. с постулатами и южноафриканским опытом политизации *убунту*). Людей, облучаемых сияющими иллюзиями, транслируемыми в нелюбимую повседневность, наряду с расовой, племенной, идеологической, конфессиональной нетерпимостью, инверсиями и диверсиями неонархаизации, преследует извечная греза – тоска о мире без тиранов и рабов, об эффективном равенстве и торжестве иного мироустройства: обыденного сосуществования с другими при обоюдном, универсальном очеловечивании (Ис. 11: 6–9; 65: 25).

Проблема между тем вскрывается и корректируется посредством периодических конфронтаций, пути же разрешения видятся в экспансии рамочного контроля⁶, однако солидарная алхимия двусмысленна, а наступательная мобилизация влечет умножение лозунгов и рестрикций, провоцируя каскад обвинений и параллельно

---

⁶ Так, с 2024 г. претендентам на премию Оскар в номинации «Лучший фильм» необходимо выполнять два из четырех условий (A, B, C, D): A) соответствие одному из трех критериев: 1) главный/второстепенный герой из недопредставленной этнической группы; 2) не менее 30 % актеров из двух групп: женщины, ЛГБТК+, люди с инвалидностью, люди с когнитивными нарушениями и этнические, расовые группы; 3) тема фильма связана с данными группами; B) необходимо выполнить одно из трех условий: 1) присутствие на креативных топ-должностях кинокомпании от двух членов описанных выше групп и одного – из этнической или расовой группы; 2) шесть других членов команды и технических должностей из недопредставленных групп; 3) по крайней мере 30 % съемочной группы должны принадлежать к недопредставленным группам; C) здесь обязательны оба условия: 1) возможность платного обучения, стажировки и возможности для обучения, развития навыков команды; 2) квоты недопредставленным, этническим, расовым группам; D) единственный критерий: несколько штатных руководителей высшего звена киностудии в отделах маркетинга, рекламы и/или распространения должны быть из недопредставленных групп.

формируя комплекс жертвы. Оболочка современной цивилизации повреждена, ее флер рассеивается, «дерзость же вознесется».

Стоимость жизни, равно как границы и горизонты утопий, подвижны, социальная ответственность снижается, права (но не диверсификация возможностей) государства на прямое насилие сужаются, деконструкция низводится к деструкции. Разум бурлит, градус возмущения растет: «Я таков, какой есть, и не хочу, не могу стать иным; ваше сочувствие – лицемерная подачка, отвернувшись, вы возвращаетесь в оскорбительный для меня чуждый и притягательный мир, так покоритесь или просто сдохните! Вас становится меньше, а мы – растущая солидарность, ваш мир рано или поздно будет уничтожен и сожжен, мы же заселим и унаследуем землю».

Происходящее – длинный счет разного толка людей и сообществ к современности, просто социальная ткань прорвалась сегодня именно здесь – в болевой точке национального консенсуса, но мировой резонирующий контекст и шире, и глубже этой периодически возникавшей проблемы. Актуальны испытываемые и властью, и обществом оторопь, смысловая растерянность в ходе деконструкции былых обобщений, реконфигурации упрощений, оптимизации разделений – манифестаций персонального суверенитета и высвобождения антропологических корпораций, прежде стиснутых обручами государственности. Вырвавшаяся энергия пребывает в поисках новых резонаторов для подтверждения и эскалации земного результата как нового плацдарма следующей атаки.

Суть происходящего все же не в грабежах и насилии, что ярко, зримо и на слуху, грязная пена социального цунами преследует всякий переворот, освобождая неконтролируемые страсти, и порой наследует измененный ландшафт, обращая эскизы утопий в дистопический пейзаж. Совершающийся транзит – сбой прежнего и коррекция нового маршрутизатора. Здесь ощутима не столько социальная фрустрация и ненависть рожденных в убожестве к живущим в роскоши (модель в одной из систем координат), но экзистенциальное отчаяние, проклятие состояния, которое невозможно изменить. Происходит переоценка нравственных аксиом, мятеж *других* («чужих») против ограничений и тягот, отторжений и ампутаций, органичных для современного мира.

Атакуются не только локальные нестроения и режимы, но весь глобальный социальный организм – репрессивная к миноритарным

акционерам общая система, непреодолимая обычным порядком. Потому и сокрушаются в первую очередь модели поведения (Роза Паркс, отказавшаяся уступить место в автобусе белому) либо символы угнетения (от памятников героям конфедерации и работорговам до знаменитого восточно-европейского и постсоветского «ленинопада»). И не только.

Крах земных империй, ветхость авторитарных уродств предполагают крушение ментального империализма. Протест из сферы материальных претензий сдвигается в экзистенциальную плоскость, отрицая как супремасизм привычные практики современности, высвобождая стихии и производя переоценку жизненных ситуаций. В оптике симпатизантов конфликт с репрессивной обыденностью преломляется в замысел вселенской деколониальности: революции антиконформизма, персонализма, достоинства – скалярную траекторию опознанных, но не осознанных в полноте метаморфоз. То есть это универсальный и многослойный бунт (Неклесса 2018б).

Мир движется по кромке многомерной, возникающей из недр настоящего непрерывно модифицируемой композиции. Поезд истории меняет колею и отходит от очередного, приграничного, вокзала.

Библиография

- Антропов В. В. 2005.** Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхеффера. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия* 6: 58–124.
- Бонхеффер Д. 1994.** *Сопrotивление и покорность*. М.: Прогресс.
- Вебер М. 1990.** Протестантская этика и дух капитализма. В: Вебер М., *Избр. произведения*. М.: Прогресс. С. 44–271.
- Иоанн Павел II. 1997.** *Evangelium Vitae. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни*. Париж; М.: Русская мысль, МИК.
- Иустин Философ и мученик. 1995.** *Послание к Диогнету*. В: Иустин Философ и мученик, *Творения*. М.: Паломник. С. 371–384.
- Кокс Х. 1995.** *Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте*. М.: Вост. лит-ра.
- Навон И. 2008.** Как принимал решения Давид Бен-Гурион. *Принятие стратегических решений как психологическая проблема*. Международный семинар. Москва, 5 сентября 2007 г. М.: ЭТЦ. С. 3–10.
- Неклесса А. И. 2006.** Культура смерти. *Азия и Африка сегодня* 2: 3–11.

- Некlessа А. И. 2018а.** «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. *Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации. ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск.* С. 12–24.
- Некlessа А. И. 2018б.** Кризис истории. Мир как незавершенный проект. *Полис. Политические исследования* 1: 80–95.
- Некlessа А. И. 2019а.** Геоэкономическая формула мироустройства. *Мировой порядок – время перемен* / Ред. А. И. Соловьев, О. В. Гаман-Голутвина. М.: Аспект Пресс. С. 326–341..
- Некlessа А. И. 2019б.** Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. *Полис. Политические исследования* 4: 149–164.
- Некlessа А. И. 2020а.** Мультиплицированный суверенитет. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности. *Африка в условиях формирования полицентричного мира* / Отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч. М.: Ин-т Африки РАН.
- Некlessа А. И. 2020б.** Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление). *Экономическая наука современной России.* URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/neklessa_doklad.pdf (препринт).
- Рикер П. 2002.** *История и истина.* СПб.: Алетейя.
- Форстер Э. 1938.** *Во что я верю.* URL: <http://spichtinger.net/otexts/believe.html>.
- Фромм Э. 2007.** *Библейская концепция человека.* URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>.
- Attali J. 1991.** *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order.* New York: Random House.
- Metz J. 1998.** *A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity.* New York: Paulist Press.
- Sölle D. 1995.** *Theology for Skeptics: Reflections on God.* Augsburg: Augsburg Fortress Publishing.